

күзәтергә мөмкин. Балаларзың телмәренә эсә һөтө менән ингән һөйләштәң бындай үзенсәлектәрен эзәби телдә кулланылган һүзәр менән алмаштырыу еңел эш түгел, әлбиттә. һүзәрзәге теге йәки был өндө дәрәс әйттерәү һәм язырыу күнекмәләрен тәрбиәләү, артабан үстәрәү өсөн башкорт теле дәрәстәрәндә даими рәүештә орфоэпик-орфографик биш минутлыктар үткәрәү, дәрәс алды, ял минуты (физкультминутка) шиғырзарын күмәкләп (хор менән) һөйләтәү отошло буласак. Бындай биш минутлыктарза плакатка язылган төрлө таблицалар, класс тактаһы, күсмә такта, укыусыларзың һүзлек-минимумдарын кулланырға мөмкин. Уларзы диапроектар аша экранға төшөрөп, балаларзың орфоэпик күнекмәләрен үстәрәү эшен тағы ла эффектлырак ойштороп була. Бындай алым укыусының күрәү хәтерән һәм күрәү һәләтен үстәрәүгә, орфография, орфоэпия буйынса белемен нығытыуға булышлык итә.

Таблицалар күләме яғынан зур булырға тейеш түгел. Ундағы һүзәрзә укыусыларзан айырым-айырым укытырға мөмкин. Кластағы укыусыларзың белем кимәле бер сама булһа, хор менән укыузы ойшторорға кәрәк.

Һ, й өндәрән дәрәс әйт, һүзәрзә урынлы куллан!

| | |
|----------|----------|
| һабын | йондоз |
| һағыз | йәйләү |
| һазлык | йомғақ |
| һайғау | йәйен |
| һалам | йыйнақ |
| һарымһақ | йәймә |
| һикһән | йәһәт |
| һеләүһен | йәмәгәт |
| һүзһез | йүгән |
| һуһын | йәйһылыу |

Төньяк-көнбайыш һөйләштәрәндә аралашыусы укыусыларзың телмәрәндә ирен гармонияһы буйынса ла хаталар күзәтелә. Мәфәлән: *корылыш, йерөгез (йөрөң), көн-көнегез, көне, гөл-гөле, гөленең, гөлегез, көз-көзә, көзегез, көзгегез* һ.б. Бындай диалект хаталарын искәртеү һәм **о, ө** өн-хәрәфтәрән телмәрә дәрәс кулланырға өйрәтәү өсөн һүзәрзә хор менән укытыу, ижектергә айырыу, юлдан юлга күсәрәү, шулай ук тамырзарын һәм ялғаузарын таптырыу, килеш менән үзгәртеү кеүек эштәрзә үткәрәү зә отошло һанала. Уларзы тормошка ашырыуза «Дәрәс әйт!», «Дәрәс яз!» тип искәртеүсә таблица-плакаттар, карточкалар кулланыу ыңгай һөзөмтәләр бирәсәк.

Дәрәстәрзә шулай ук сюжетлы картиналар, перфокарталар кулланыу, һүзәрзәң лексик мәгәнәләрен аңлатыу, синонимдарын таптырыу кеүек эш алымдарын кулланыу за укыусыларзың телмәрән байытыуза мөһим сара булып тора. Балаға һүзәң мәгәнәһән төшөндөрөү менән генә сикләнеп калырға ярамай. Укыусылар үзәрәнен һүзлек дәрәстәрәнә был лексик берәмектерзә язып, теркәп барырға, уларзы кулланып һүзбәйләнәштәр, һөйләмдәр уйларға тейеш.

ӘЗӘБИӘТ:

Азнаголов Р. Ғ. Диалект шарттарында башкорт телен укытыу методикаһы. Өфө, 1991.

Ишбулатов Н. Х. Башкорт теле һәм уның диалекттары. Өфө, 2000.

Сәйетбатталов Ғ. Ғ. һ.б. Башкорт теле: Педагогия колледждары һәм училищелары өсөн дәрәслек. Өфө, 2004.

В. В. Куканова, Н. Ч. Очирова, г. Элиста

ОБЩЕЕ ИЛИ ИНДИВИДУЛЬНОЕ, НОРМА ИЛИ УЗУС В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

*Статья подготовлена при поддержке проекта РГНФ «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» (12-04-12047, тип «в»)

На современном этапе калмыцкий язык внесен ЮНЕСКО в список языков, которые находятся на грани исчезновения [ЮНЕСКО]. В целях его сохранения в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН проводится планомерная работа по ревитализации языка в обществе, при этом конечный результат реализации проекта видится в том, чтобы сохранить все многообразие языковых вариантов, в их числе и литературную кодифицированную форму. Такое многообразие пока еще можно сохранить или хотя бы зафиксировать на аудио- и видеоносители, на основе которых можно попытаться реконструировать систему языка и дать ему вторую жизнь.

Одним из таких проектов является создание Национального корпуса калмыцкого языка, электронного ресурса, который будет доступен любому пользователю сети [Куканова 2011]. В перспективе этот ресурс будет содержать мультимедийный материал, помимо размеченных тек-

стов. В процессе его создания лингвисты постоянно сталкиваются с проблемами разного характера, начиная с теоретических и заканчивая техническими. К одной из таких проблем относится проблема выявления общего и индивидуального, кодифицированного и некодифицированного в материалах корпуса калмыцкого языка. Целью данной работы является постановка проблемы соотношения нормы и узуса в калмыцком языке в свете создания Национального корпуса калмыцкого языка.

Калмыцкий язык на данном этапе развития представляет собой единство трех территориально-языковых разновидностей: дербетского, бузавского и торгутского диалектов [Кичиков 1963; Бардаев 1985; Убушаев 2006 и др.]. Одним из первых в калмыцкой диалектологии Номто Очиров отмечает наличие в калмыцком языке двух основных говоров – торгутского и дербетского [Очиров 1910]. В.Л. Котвич выделил – торгутский, дербетский и бузавский (донской) [Котвич 1929, XI]. Следует отметить, что не все ученые считают бузавский говор самостоятельным. Например, Б.Я. Владимирцовым среди ойратских, или калмыцких, говоров, отнесенных им к западной ветви монгольского языка, выделены дербетский говор с большедербетским и донским-бузавским подговорами и торгутский с уральским и оренбургским подговорами [Владимирцов 1929, 6]. Д.А. Павлов выделяет только два говора: дербетский и торгутский, – при этом говоры уральских, оренбургских и донских калмыков не считает самостоятельными территориально-языковыми разновидностями [Павлов 1968, 4-5]. Лексиколог Э.Ч. Бардаев утверждает, что в калмыцком языке существует 4 говора: дербетский говор (багадербетский, икидербетский и бузавинский подговора), торгутский говор (каспийский, волжский и хошутский подговор), оренбургско-уральский говор и говор иссык-кульских калмыков [Бардаев 1985, 100].

Каждая разновидность калмыцкого языка является важнейшей составляющей его системы, включающей и кодифицированную, и некодифицированную формы. В основу литературного языка положены дербетский и торгутский говоры, имеющие несущественные отличия от бузавского диалекта [Омакаева 2010, 380]. Изучение некодифицированных форм крайне важно для реконструкции истории языка калмыцкого этноса и, шире, для истории монгольских народов.

После возвращения калмыков из незаконной ссылки интеллигенция с воодушевлением принялась за восстановление республики, в том числе стала проводить, с одной стороны, целенаправленную языковую политику по унификации калмыцкого языка, в результате чего появились нормативные словари, например по орфографии [Павлов 1962]. С другой стороны, параллельно шел процесс русификации, проявлявшийся в первую очередь в использовании русского языка в официально-деловой сфере. Однако не стоит забывать, что на территории Калмыкии проживали и проживают самые разные народности и единственным общим средством коммуникации был и является русский язык, поэтому им старались овладеть все национальности хотя бы на разговорном уровне. Все эти факторы во многом расширили пространство, где употребляется русский язык. Именно в этот период, 60–70-е гг., стала складываться кодифицированная система калмыцкого языка. Процесс этот достаточно сложный и длительный и, конечно, должен происходить в естественных условиях, с одной стороны, вне конкуренции с другим языком, с другой стороны, не под угрозой уменьшения количества его носителей и в конце концов его исчезновения и перехода в статус мертвого языка, лишённого постоянного развития и движения вперед.

В таких условиях, когда язык исчезает из повседневной жизни и перестает быть средством познания и коммуникации, можно говорить о том, что территориально-языковые различия постепенно нивелируются и, по сути, представители калмыцкого народа предпочитают осуществлять коммуникацию на русском языке как вне семьи, так и внутри ее, что в большей степени способствует вымиранию языка.

Сама же система кодифицированного калмыцкого языка недостаточно исследована, не говоря о различиях, характерных для его территориально-языковых разновидностей, о чем уже не раз писалось (см., например, [Рассадин, Трофимова 2012, 7]). Тем не менее описаны некоторые их специфические черты на разных уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом [Котвич 1929; Кичиков 1963; Павлов 1968; Тенищев 1976; Убушаев 2006 и др.]. Большинство особенностей диалектов калмыцкого языка было выявлено при помощи самонаблюдения или наблюдения за речью носителей, что недостаточно для более глубокого изучения территориально-языковых диалектов.

Анализируя исследования по созданию и развитию диалектных корпусов [Летучий 2005; 2009; Крючкова, Гольдин 2008; 2011; Некрасова 2009; Юрина 2011], можно выделить два вида диалектных корпусов: 1) информационно-справочная система, где целью аннотирования является выделение ненормированных языковых фактов в текстах; 2) информационно-справочная система, содержащая диалектные тексты, которые представлены в виде фонетической записи. Первый тип не интересен диалектологам, поскольку в данном случае перед нами материал, в котором тот или иной

лингвист уже констатировал наличие диалектных явлений. Второй, напротив, является материалом, который еще не изучен ни в каких-либо аспектах и который является источником для исследования уже известных фактов и выявления новых диалектных явлений, характерных для той или иной территориальной разновидности языка.

Поскольку мы только в начале пути по созданию корпуса, думается, что на первом этапе для нас имеет значение маркирование специфических черт территориально-языковых разновидностей калмыцкого языка. К тому же пока в нашем распоряжении находятся только письменные тексты, в которых можно обнаружить фонетические, лексические и грамматические черты существующих в калмыцком языке диалектов. Для нас важно выделить неcodифицированные элементы калмыцкого языка в этих текстах, чтобы обозначить норму и узус в текстах на калмыцком языке. Конечно, тем самым мы сузим поле для исследователей, прежде всего для диалектологов. На данный шаг мы идем сознательно, поскольку другого решения мы пока не видим. Надо сказать, что в архивах Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН содержится большое количество аудиозаписей, однако они не расшифрованы в нужном для диалектологов виде. Даже в опубликованных письменных текстах черты диалектов «стерты», другими словами, язык текстов отредактирован и доведен до норм литературного языка, поэтому количество диалектизмов в них мизерно, что недостаточно для системного и глубокого изучения диалектизмов.

В диалектном подкорпусе Национального корпуса русского языка выбирается морфологически ориентированная стратегия: «отмечаются только те отличия от литературного языка, которые имеют отношения к грамматике или отражаются на грамматических особенностях» [Летучий 2005, 217]. В калмыцком языке невозможно избрать только данную стратегию, поскольку большинство диалектных различий приходится на фонетику и лексику. Морфологических особенностей не так много, хотя они имеются. Например, при выделении словоизменительных классов помечались диалектные варианты словоизменений (см. подробнее [Куканова 2012]). Так, плюралный аффикс *-дуд/дуд*, который является составным по своему составу (*-д + -уд/уд*), встречается в торгутском диалекте и образует множественное число у существительных на неустойчивый *-н*, когда в литературном языке у таких слов исчезает *-н* и присоединяется аффикс *-д* [Убушаев 2006, 7].

Можно выделить три типа диалектных особенностей в калмыцком языке: *dialfon* – особенности на фонетическом уровне, отражающиеся в письменной форме; *diallex* – особенности на лексическом уровне; *dialmorf* – особенности на морфологическом уровне.

Для каждого говора введены индексы: Т – торгутский, D – дербетский, В – бузавский. Пометы *dialfon* и *dialmorf* конкретизируются: указывается, в чем состоит диалектная особенность. В силу ограничения в объеме статьи ниже приводятся наиболее яркие диалектные отличия на трех уровнях языка.

dialfon

vocal(o/əD-y/yT) – наличие гласного *o* вместо *y* в торгутском в позиции перед губно-губными *м* и *в*, например: *совсн* – *сувсн* ‘жемчуг’; *ховр* – *хувр* ‘редкий’; *цомрх* – *цумрх* ‘провалиться’; а также наличие гласного *ə* вместо *y* в позиции перед губно-губными *м* и *в* в переднерядных словах: *хəв* – *хув* ‘доля, судьба, участь, счастье; часть’; *хəмх* – *хумх* ‘собирать’, *əмсх* – *умсх* ‘одевать, обувать’.

vocal(aD/əT) – наличие в дербетском говоре *ə* в непервых слогах вместо *a*, например: *сəрə* – *сарə* ‘сарай’; *орəə* – *орaa* ‘поздно’ [Кичиков 1963, 3-5];

vocal(aaB/əTD) – наличие в бузавском говоре в первых слогах долгого *a* вместо *ə*, например: *заалихы* – *зəəлхə* ‘полоскать’, *наатихы* – *нəəтхə* ‘чихать’ [Кичиков 1967, 42-43].

diallex

Лексические диалектизмы представлены в художественных текстах достаточно широко (см., например, на примере произведений одного автора [Очирова 2011]). В грамматическом словаре отмечены слова, характерные для говоров. Например, *дахм* ‘нагрудный карман пиджака или сорочки’ – < *diallexD* >, *хор* ‘небольшой кармашек’ – < *diallexT* >. Чаще всего это лексические корреляты: *ахурцг* < *diallexD* > – *хаяр* < *diallexT* > ‘огурец’. Если же слово не имеет диалектного или литературного эквивалента и если значение слова специфично и характерно только для данной территориально-языковой разновидности, то в тегах приводится тематическая группа. Например, *доньр* ‘секретарь хурула’ – < *diallexT_religion* >.

dialmorf

Caus²B – двойное оформление каузативного залога, возможно проявление противодействия сплошной редукции гласных: *суулхах* – *суулхх* ‘посадить, сажать’, *күргэх* – *күргх* ‘доставить’ [Убушаев 2006, 16; Кичиков 1967, 44];

DirD – наличие направительного падежа с аффиксом *-ур (-ур)*, например: *моднур* ‘к дереву’, *герур* ‘к дому’, *чамур* ‘к тебе’ и т. д. [Убушаев 2006, 235];

DirT – наличие направительного падежа с аффиксом *-ад (-эд)*; *гэрэд* ‘к дому’, *худгад* ‘к колодцу’, *холад* ‘к реке’ [Убушаев 2006, 235];

GenT – наличие родительного падежа с аффиксом *-ан (-эн)* (вместо *-ин* – в дербетском): *укрэн усн* ‘коровье молоко’, *эргэн хулсн* ‘прибрежный камыш’, *цурхан амн зэнгдэ* ‘щучья пасть’ [Убушаев 2006, 235];

PastT – наличие первой формы прошедшего времени на *-ва (-вэ)* (вместо *-вы (-в)*, *-в (-в)* – в дербетском): *һарва* ‘вышел’, *күрвэ* ‘дошел’, *гүүвэ* ‘побежал’ [Кичиков 1967, 23];

JussT – наличие пригласительной формы 1 лица мн.числа повелительно-желательного наклонения на *-йа (-йэ)* (вместо *-й (-й)*; *-й* – в дербетском): *босйа* ‘встанемте-ка’, *хэрийэ* ‘пойдемте-ка домой’ [Кичиков 1967, 23];

PronB – личные местоимения 1 и 2 лица *би, чи* в родительном падеже приобретают аффикс *-эн*: *миньэн* ‘мой’, *чиньэн* ‘твой’ [Кичиков 1967, 44];

AntConvB – при соединении вспомогательного глагола *од* с соединительными и разделительными деепричастиями образуется форма глагола совершенного вида: *йовждв* ‘ушел’, *үкждв* ‘умер’, *йоваддв* ‘ушел’ [Кичиков 1967, 44];

FutConvB – при соединении аффикса *-х* причастия будущего времени выпадает глухой смычный заднеязычный *к*: *ирчих* (вместо *ирчикк*) ‘придет’, *ирчихлэ* (вместо *ирчикклэ*) ‘если непременно придет’ [Кичиков 1967, 44-45].

Описанные в статье пометы позволят разграничить общее и индивидуальное, норму и региональный узус в корпусе текстов на калмыцком языке. Конечно, это будет приближение к диалектной системе калмыцкого языка, но, тем не менее, это позволит, с одной стороны, изучающим калмыцкий язык более сознательно подходить к процессу обучения, с другой – исследователям отсеивать языковые факты, проявление которых связано с диалектными особенностями калмыцкого языка.

На современном этапе развития калмыцкого языкознания отсутствуют репрезентативные записи текстов разных диалектов. В перспективе планируется создать самостоятельный диалектный модуль в корпусе калмыцкого языка, который будет представлен в фонетической записи.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста, 1985. 154 с.
- Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халкаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929. 436 с.
- Кичиков А. Ш. Дербетский говор: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 26 с.
- Кичиков А. Ш. О говоре донских (бузава) калмыков // Ученые записки КНИИЯЛИ КАССР. Вып. 5. Серия: филологическая. Элиста, 1967. С. 39-51.
- Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Прага: Б.и., 1929. XI с. + 418 с.
- Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки [электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/ru/pdf/36.pdf> (дата обращения: 30.11. 2013).
- Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации [электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/41.htm> (дата обращения: 30.11. 2013).
- Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 168-177.
- Куканова В. В. Общая структура и перспективы использования Национального корпуса калмыцкого языка в свете проблемы репрезентативности // Материалы XL Международной филологической конференции (10–15 марта 2011 г., Санкт-Петербург). Вып. 24: Полевая лингвистика и интегральное моделирование речи / отв. ред. Н. В. Богданова. СПб., 2011в. С. 125-137.
- Летучий А. Б. Диалектный корпус: состав и особенности разметки // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В.А. Плунгян. СПб., 2009. С. 114-128.
- Летучий А.Б. Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 215-233.
- Некрасова Г.А. Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов // Языковая палитра. 2010. С. 13-16.
- Омакаева Э.У. Калмыцкий язык: история и современность // Калмыки / отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская. М., 2010. С. 375-383.
- Очиров Н.О. Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1910. С. 61-75.
- Очирова Н.Ч. Диалектная лексика в художественном тексте (на материале прозы К. Эрендженова) // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 3. С. 68-71.

Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык (фонетика и орфография) / отв. ред. Л.В. Бондарко. Элиста, 1968. 240 с.

Павлов Д.А. Орфографический словарь литературного калмыцкого языка. Элиста, 1963. 230 с.

Рассадин В. И., Трофимова С.М. О группе переднеязычных согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 7-11.

Тенищев Э.Р. О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 82-87.

Убушаев Н.Н. Диалектная система калмыцкого языка / отв. ред. Э.У.Омакаева. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.

ЮНЕСКО [электронный ресурс] // URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/> (дата обращения: 30.11.2013).

Юрина Е.А. Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 58-63.

А. Н. Куклин, г. Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЕ ГОВОРЫ ПРИУРАЛЬЯ В МОЗАИКЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Основными марийскими говорами Приуралья являются красноуфимский и кунгурский, распространённые в крайней юго-западной части Свердловской и юго-восточной части Пермской областей.

Красноуфимский говор охватывает Артинский, Красноуфимский, частично Нижнесергинский районы Свердловской и ряд деревень Октябрьского района Пермской областей. Основная масса носителей кунгурского говора проживает в Суксунском, Кишертском районах Пермской и Ачитском районе Свердловской областей. Они возникли в результате миграции части луговых мари.

Процесс формирования первого начался ещё в начале XVI века, второго – в конце XVI века, подтверждением чего служат отдельные архивные данные. Так, в материалах подворной переписи 1888-1891 годов в Красноуфимском уезде Пермской губернии про марийцев деревни **Кугу Тавра** (офиц. Большая Тавра) сказано, что они поселились здесь в 7016 году [Материалы для стат. 1893, 85] – по современному летоисчислению в 1508 году [Сепеев 1975, 27]. Жители деревни Большая Тавра являются представителями красноуфимского говора. Михаил Кайсаров, переписывавший в 1623 году сылвенских и иренских татар и остяков, обнаружил среди них 4 юрты, то есть 4 двора, черемисских [Шшонко 1872, 150; Теплоухов 1924, 85; Преображенский 1956, 12-13]. По современному административному делению они расположены на территории распространения кунгурского говора. В отдельных документах указаны конкретные места расселения уральских мари, их количество. Например, «на устье Кунгура речки белая черемиса» (1646 г.) [Сигов 1928, 98]. На реке **Карше** (возможно, **Карши**), протекающей на территории современного Ачитского района, в 1651-1652 годах марийцы проживали в количестве «больше двадцати дворов» [1, л. 2-2 об.]. Речь, скорее всего, идет о деревне **Марийские Краши**, языковая особенность ее жителей относится к кунгурскому говору. В некоторых источниках содержится примерная дата основания того или иного селения. Так, «в описании деревни Байтемировка 30-х годов XVIII века говорится, что марийцы поселились на реке **Бисерти** примерно сто лет назад, то есть в 30-х годах XVII века» [Сепеев 1975, 28]. К концу XVII века марийское население в Среднем Приуралье, согласно данным Г.А. Сепеева, извлеченным из Перечисной книги Д.Жукова и П.Ахматова 1678-1679 годов, составляло 100 юрт, где насчитывалось людей мужского пола – 276; 17 безьюртных семей, в них 35 мужчин [Сепеев 1975, 28]. По данным переписи населения Пермской губернии 1883 года в губернии числилось уже 9162 мари обоёго пола, 1884 году – 9171 человек, 1885 году – 9225 человек [Отчеть Перм. губерн. стат. комит., 1883-1885, ф. № 208, оп. № 1, д. № 1]. За эти 3 года численность марийского населения Пермской губернии увеличилась лишь на 63 человека. Таким образом, к концу XIX века поточные миграции мари в районы Приуралья сменяются единичными случаями переселения и продолжаются до наших дней. По переписи 1989 г. в Приуралье насчитывалось более 31297 мари.

Как свидетельствуют некоторые топонимические и родовые названия, поточные миграции по разным причинам шли в основном с северо-восточной части Марийского края, хотя пучки импульсаций исходили и из других его местностей. Ср., например, топонимические параллели поволжских, вятских и уральских мари: д. **Отсола** (офиц. Ключики), Красноуфимск. р-н Свердловск. обл. и д. **Одосола**, Байсинск. волость Уржумск. уезда Вятск. губ. [Никольский 1913, 18]; д. **Васькино** (неофиц. **Энер мучаш**), Суксунск. р-н Пермск. обл. и дд. **Васькино**, Уржумск. и Тужинск. р-ны Кировск. обл. [Киров. обл. 1978, 182, 190, 260]; д. **Тюм** (неофиц. **Тўм**), Октябрьск. р-н Пермск. обл. и д. **Тюм-Тюм** (неофиц. **Тўм-Тўм**), Уржумск. р-н Кировск. обл. [Киров. обл. 1978, 193, 374] и другие. Указанные ойконимы и родовые названия в период миграции, видимо, были перенесены